6. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
7. Кастельс, М. Власть коммуникации: учебное пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономки, 2016. – 564 с.
8. Минчук, И. И. Мессенджеры как инструмент повседневной и маркетинговой коммуникации / И. И. Минчук // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: зб. навук. прац / рэдкал. : А. С. Садоўская (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2017. – С. 284–287.
9. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета / Н. Б. Мечковская. – М. : Наука, 2009. – 584 с.
10. Розенберг, Н. В. Особенности развития национальных культур в современном глобальном мире / Н. В. Розенберг // Вестник ТГУ. Вып. 1(1). – 2015. – С. 26–30.

ФАУСТИАНСКАЯ ТЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. В. Уманец
Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого, кафедра культурологии
ул. Пушкинская, 77, Харьков, Украина
e-mail: culture@nulau.edu.ua

В статье рассматривается проблематика онтологии и феноменологии фаустианы как символа европейской культуры. Освещается специфика и историко-культурная обусловленность интерпретации смыслообразующих концептов фаустианы в контексте ее версий в украинской национальной культуре XIX—XX ст.

Ключевые слова: фаустиана, символ, концепт знания, концепт веры, аксиологические ориентации.

FAUST-THEME IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUCATION

O. V Umanets
Yaroslav Mudryi National Law University,
Department of Cultural Studies,
Pushkinska St. 77, Kharkiv, Ukraine
e-mail: culture@nulau.edu.ua

The article considers the problems of ontology and phenomenology of Faust-theme as a symbol of European culture. The author highlights the peculiar nature and historical-cultural conditioning of mean-forming concepts interpretations in the context of the versions of Faust-concept in the Ukrainian national culture of the 19th — 20th centuries.

Key words: Faust-theme, symbol, concept of knowledge, concept of faith, axiological orientations.

Проблема поиска Человеком аксиологических опор бытия — атрибутивная основа процесса постижения мира и специфики человеческой духовности. Ее глобальная актуализация в социокультурных реалиях мета-модернизма детерминирована, с одной стороны, проблематизацией сохранения национальных основ культуры в парадигмальных параметрах картины глобализирующегося мира. С иной стороны, потребность в пересмотре бытийных смыслов Человека порождена стремлением личности к самоосмыслению в плюралистическом многообразии межкультурных связей, «взламывающих» традиционные аксиологические горизонты личности. В культурном пространстве начала III тысячелетия, отмеченном формированием основ нового антропоцентризма, нового образа Человека мира культуры, в «конструировании» которого пространственно-временные и национальные маркеры утрачивают изначальную смыслоопределяющую значимость, особую концептуальную напряженность на уровне художественной рефлексии обретают «вечные» темы и образы, в частности фаустиана.

Ее извечная актуальность как одной из тематических «осей» европейской культуры пояснима не только и не столько столь же извечной притягательностью художественной репрезентации мотива договора человека с дьяволом. Чрезвычайно высокий адаптивный потенциал фаустианы относительно мировоззренческих парадигм, ее способность к резонированию с ценностными поисками различных историко-культурных эпох — следствие концептуальной «свернутости» в ней перманентных и имманентных вопросов человеческой экзистенции. Обращаясь к вечно актуальным и открытым для Человека вопросам сущности и предназначения знания, значимости веры и любви, фаустиана становится «аксиологической метафорой», интерпретации которой в различных национальных культурных пространствах создают многомерное поле межкультурной коммуникации в синхронии и диахронии.

Актуальность обращения к интерпретационной специфике украинской фаустианы обусловлена фактической неисследованностью ее онтологии и феноменологии в контексте национальной культуры. Одна из причин этому, на наш взгляд, кроется в преимущественной опосредованной обращенности к ней украинских творцов как вечному знаку духовности, символу европейской культуры, создающему смысловую объемность, дополнительные концептуальные и образные грани, что определенным образом проявляется в творчестве В. Винниченко, Г. Косынки, П. Тычины, М. Рыльского, Ю. Клена, О. Забужко и др. Вместе с тем непреходящую самостоятельную значимость фаустианы демонстрируют ее национальные «версии» в творчестве П. Гулака-Артемовского (баллада «Твардовский»), Н. Королевой (повесть «1313»), А. Левады (трагедия «Фауст и смерть»), которые в контексте проблематики межкультурного взаимодействия предстают как художественные воплощения векторов культурного диалога, соотнесенности аксиологических поисков в украинском и европейском культурных пространствах.

Целью статьи является исследование концептуальной специфики и историко-культурной детерминированности украинской фаустианы (на примере баллады «Твардовский» П. Гулака-Артемовского, повести «1313» Н. Королевой, трагедии «Фауст и смерть» А. Левады).

Параллельность путей украинского и европейского культуротворчества в XIX ст. отражает баллада «Твардовский» П. Гулака-Артемовского. Обращение украинского поэта к фаустиане одновременно стало и своеобразным выражением поиска решения актуальной в контексте романтической парадигмы мировидения и «весны народов» проблемы консолидации нации на основе осмысления и художественного воплощения фольклорных истоков и их проецирования на концептуально-тематический фундамент европейской культуры.

Комический, травестийно-бурлескный ракурс воплощения фаустианы П. Гулаком-Артемовским был детерминирован не только связью с фольклорной стихией, но и своеобразием «…творческих исканий литературных сил XIX столетия. Искания эти начались в атмосфере увлеченности и изучения народных обычаев, быта и творчества» [1, с. 11]. Немаловажную роль в специфической направленности межкультурного взаимодействия — адаптации фаустианы к реалиям украинской культуры — сыграли и сформированные в «Энеиде» И. П. Котляревским традиции травестийной интерпретации мирового художественного опыта, максимально

сближающие украинскую интеллигенцию с народной культурой и национальной аудиторией.

Центральное место в интерпретации фаустианы П. Гулаком-Артемовским занимает образ козака — бунтарской личности, стремящейся к тотальной деструкции норм бытия. Синтезирование данного образа с фаустианской мифологемой всеохватывающих исканий резонирует с образом романтической пассионарной личности, благодаря комическому «снижению» аксиологической напряженности становящейся ментально близкой широкой аудитории.

Специфика национального модифицирования фаустианы П. Гулаком-Артемовским проявляется в редуцировании ее концептуальной многомерности. В балладе «Твардовский» концепт знания как смысловая константа европейской культуры и одновременно смысло- и сюжетопорождающий импульс фаустианы (конкретизированный на уровне событийности в мотиве договора человека с дьяволом), заложенный с ее средневековых истоков, воплощен на уровне аллюзий. Деактуализация и «снижение» гносеологического пафоса данного концепта в балладе детерминированы ориентированностью украинской культуры в нач. XIX ст. прежде всего на осмысление и нахождение путей консолидации нации, формирование языка новой литературы на основе живого, народного языка и осмысление традиций народной жизни как фундамента духовного бытия.

Комическая призма видения фаустианы П. Гулаком-Артемовским предопределила и «сниженную» трактовку иных ее концептов. Концепт любви репрезентирован как сфера абсолютной телесно-чувственной свободы человека, женский образ, как его центр, обретает пародийно-низовую окраску: «женщина грызет тело и душу» [2, с. 44], черти умны, поскольку убегают от женщин [2, с. 44].

Комическая трактовка концепта веры проявляется в насмешке над институтом брака, освященном церковью, в отсутствии мотива раскаяния героя и наказания свыше за разрушение смыслообразующих в культуре эпохи религиозных основ бытия. Отметим, что в сложных социокультурных условиях развития украинской культуры именно церковь долгое время была наделена статусом духовного стержня нации. Снижающая статус церкви комическая аура концепта веры в балладе резонирует с переосмыслением значимости религиозного начала в мировоззренческих ориентирах XIX ст., своеобразно отражая направленность межкультурного взаимодействия.

Определенное единство европейской и украинской линий вечной темы усматривается в значимости в драматургии произведения мотивов чудес и превращений, связанных как со сферой национальной фольклорной смеховой культуры, так и с традициями европейской фаустианы.

Травестийно-бурлескная интерпретация фаустианы П. Гулаком-Артемовским отражает ориентированность украинской версии классицизма на низовые жанры. Допускающие воспроизведение народного начала, фольклорной стихии, они были актуализированы культурной атмосферой нач. XIX ст., отмеченной подъемом национального духа. Обращенная к истокам народной культуры, баллада «Твардовский» П. Гулака-Артемовского, как образец национализации фаустианы, формирует тем самым специфический модус межкультурного взаимодействия с европейскими классицистскими тенденциями в силу своеобразия модификации эстетических принципов классицизма в контексте украинской культуры.

Иной вариант национального интерпретирования символа европейской культуры демонстрирует повесть Н. Королевой «1313», впервые опубликованная в 1934—1935 гг. Связь произведения с европейской культурой как целостностью в диахронном и синхронном измерениях обеспечивает его насыщенность символами различных культурных пространств, отражающая потребность в сохранении духовного опыта человечества в преддверии глобальных потрясений 2-й мировой войны.

Знаки культуры Античности в произведении — имена великих мыслителей, множественные афоризмы. Знаками сакральной культуры Средневековья в повести являются названия разделов («Четвертая заповедь»), «говорящие» имена героев (Константин, Авель, Колумба) и имена знаменитых личностей, семантически неоднозначный лейтмотив перезвона колоколов («звукосимвол» событий, наиболее значимых в жизни героев), символика растений, а также мотивы чудес и видений (предстающие в том числе и в комическом преломлении, соотносящемся с пространством смеховой культуры эпохи). Определенные аллюзии с эпохой Ренессанса создаются благодаря декларациям значимости земной, светской жизни [3, с. 176; 214], с культурой Нового времени — практически точной цитате Б. Паскаля в характеристике героев [3, с. 136; 193], с эпохой романтизма — мотивам двойничества в образах монаха-сторожа и главного героя, а также микстовой жанровой природе произведения.

Собственно знаки фаустианской тематики — сюжето- и смыслообразующие мотивы договора с дьяволом и продажи души — в повести отсутствуют. Такая редуцированность поясняется как закрепленностью фаустианы в «памяти» евопейской культуры, позволяющей обращаться к ее знакам, а не точному воспроизведению сюжетной канвы, так и своеобразием смысловых акцентов в образах героев.

Как воплощение фаустианской личности — вечного искателя знания и концепта знания — предстает образ Константина, ищущего духовных опор и собственной сущности (что отражают мотивы утраченного пути, смены имени, утраты креста). «Маргинальность» образа детерминирована его балансированием между аксиологическими пространствами прошлого — верой, незыблемыми устоями социальной иерархии и будущего — экспериментальным знанием, имеющим практическую предназначенность.

Однако доминирующей в образе главного героя является ренессансная мировоззренческая константа — самоутверждение уникальной личности. Ее эгоцентрическое возвышение вместе с глобальной утратой веры образует и связь с культурой нач. XX в., проблематизирующей потребность в формировании новых ценностных границ бытия Человека.

Специфика интерпретирования мефистофелевского начала в повести подтверждает значимость ренессансной парадигмы мировоззрения и образа титанической личности. Именно вторжение эрудита, всесторонне образованного монаха-сторожа, ориентированного на поиск знания, в мир средневекового монастыря становится толчком к его апокалиптической гибели — метафорически воссоздающей крах средневековой системы ценностных ориентаций. Дьявольскую сущность монаха Бертрана дано постичь лишь тем героям произведения (Абель, Колумба), мировоззренческой основой для которых является незыблемая вера как имманентная и перманентная духовная опора.

Конфликтное соотношение концептов знания и веры определяет специфику не только образа главного героя, но и в целом интерпретации фаустианы в повести Н. Королевой. Базирующаяся на столкновении ценностных миров различных историко-культурных эпох, отражающем неоднозначные попытки человека сохранить духовные опоры, данная модификация вечной темы проблематизирует осмысление значимости веры и знания в условиях дегуманизации и духовной девальвации на рубеже Новейшего времени, формиру-

ет символическую ценностную арку между эпохами — диахронный вектор межкультурного взаимодействия.

В социокультурных условиях 1960-х гг. пьеса А. Левады «Фауст и смерть» стала своеобразным откликом на существенные изменения, происходящие в культуре СССР. НТР, урбанизация, развитие науки обусловили дискуссии «физиков» и «лириков», потребность в новом осмыслении значимости духовного опыта, в котором «...наука и искусство для человека — словно два крыла» [4, с. 199].

Отсутствие традиционной фаустианской сюжетной схемы объяснимо особенностями художественной системы советской культуры, в которой изначально позитивная сущность образа героя была неадекватна мотиву договора человека с дьяволом. Основой концепции фаустианы в пьесе А. Левады в силу этого становится не «модернизация» фаустианской фабулы, а разворачивающийся как в диахронии, так и в синхронии конфликт нескольких аксиологических полей, формирующий хронотоп единого пространства культуры человечества и перманентного диалога культур.

Образ-символ Фауста и образы выдающихся ученых, не только совершивших прорыв в познании мира, но живших во имя общечеловеческих идеалов (К. Циолковского, А. Эйнштейна, И. Жолио-Кюри, М. Склодовской-Кюри, Ф. Жолио-Кюри) — знаки аксиологической системы, основой которой служит научное мировоззрение. С этой сферой связаны образы Ярослава и Романа — воплощения концепта Человека, утверждающего ценности социума и позитивный, гуманистический, общечеловеческий потенциал безграничного научного знания.

Опосредованная связь с фаустианской мифологемой образа главного героя Ярослава создается не только его апелляцией к образу Фауста как символу духовного опыта прошлого, пассионарных стремлений личности. Смысл жизни героя также трагически предопределен его сознательным выходом за аксиологические границы эпохи, сознательной жертвенностью во имя глобального научного прорыва человечества — покорения космоса. «Готовы мы во имя блага всех / на собственное сердце наступить. / Не жажда славы, не порыв гордыни / мне начертали трассу в небесах, — / мне эту трассу начертал народ, / он силу мне для подвига дает» [4, с. 228], — декларирует герой.

Мир эмоций и чувств, творческого начала и одновременно концепт любви и женственности репрезентирован женскими образами, соотнесенными с миром искусства.

Репрезентанты механистического и в то же время эгоистического мироотношения — образ Механтропа, символическое воплощение отчужденности от социума, утраты души, доведенный до абсолюта прогноз тенденции автоматизации, механизации жизни, и образ Вадима, исключительный эгоизм которого предопределяет его смерть.

Концентрированным воплощением ценностей прошлого, парадигмы религиозного мировидения, сковывающего человека каноничностью и догматичностью, является образ Монаха. Неоднозначность концепта веры в пьесе обусловлена и тем, что к миру веры Монах приходит в результате покаяния после глобального отречения от ценностей социума — предательства во время войны. Именно в контексте религиозной системы ценностей грехом гордыни является устремленность героя на покорение неба — божественного пространства.

Перекрещивание ценностных систем, полилог культур во времени и пространстве в пьесе возникает как отражение многократно заостренной в середине XX в. проблем сущности, значимости и этического «знака» знания, безмерно расширившего возможности человека и проблематизирующего его бытие как личности и представителя социума, а также проблемы поиска адекватного соотношения как личностного, социального и общечеловеческого начал, так и рационального и эмоционально-чувственного.

Уникальная способность фаустианы к созданию межкультурных связей в контексте различных национальных культур находит выражение не только в пространстве украинского искусства. В романе «Фальшивый Фауст» латвийский композитор и писатель М. Зариньш трактует фаустиану как «отправную точку», многомерный символ культуры как целостности. «Фальшивый Фауст» — версия вечной темы, «постмодернистская сущность которой детерминирована духом всепроникающей иронии, отчуждением персонажей от самих себя и от своих свершений, эффектом “театра в театре”, игрой смыслами, изначальной условностью, пародизацией и пересемантизацией аксиологических констант бытия человека и образов — их носителей, уникальностью хронотопа — нерасторжимого единства различных историко-культурных времен и пространств» [5, с. 128].

В диахронии и синхронии отражая вечно актуальные проблемы поиска сущности человека, векторы его духовных исканий, фаустиана на уровне художественной рефлексии в контексте межкультур-

ной коммуникации предстает как столь же вечный символ Человека, объединяющий национальные культуры и историко-культурные эпохи.

Концептуальная многомерность фаустианы, плюрализм ее интерпретаций в различных культурных контекстах и в системе различных видов искусств детерминирует эвристичность ее культурологического осмысления в диахронии и синхронии, что составляет перспективы дальнейших исследований.

Литература

1. Бурлеск і травестія в українській поезії першої половини XIX ст. / упоряд., підгот. текстів, передм. та прим. Г. Нудьги. — Київ : Державне видавництво художньої літератури, 1969. – 599 с.
2. Гулак-Артемовський, П. П. Твори / П. П. Гулак-Артемовський. – Київ : Дніпро, 1978. – 159 с.
3. Королева, Н. Предок : Історичні повісті; Легенди старокиївські / Н. Королева; упоряд., авт. післямови та приміт. О. В. Мишанич. – Київ : Дніпро, 1991. – 670 с.
4. Левада, А. Фауст и смерть. Пьесы / А. Левада. – М. : Советский писатель, 1978. – 592 с.
5. Уманец, О. В. Ценностные ориентации и полилог культур в романе М. Зариньша «Фальшивый Фауст» / О. В. Уманец // International Scientific and Practical Conference «Baltic-Black Sea Region: History, Culture, Society». Volume 5: Riga, Latvia, July 4–5, 2016. Conference Proceedings. – Riga : SIA «Baltic Erlander Institute», 2016. – P. 123—128.